

Лу Сяньчжоу тоже хотел повидаться с друзьями Цяо Цзиня, поэтому, завести мотор, сразу спросил, где находится магазин этого А Яня.

Цяо Цзинь указал дорогу и между делом упомянул:

— Дядя сегодня спрашивал меня о судебном заседании, а ты мне ничего не сказал.

Лу Сяньчжоу немного замялся:

— Тебе не стоит видеть такие зрелища, лучше не ходить.

Цяо Цзинь повернул голову и пристально посмотрел на профиль Лу Сяньчжоу. От такого взгляда тот даже почувствовал себя немного не в своей тарелке, но с улыбкой обернулся:

— Чего ты так уставился на меня? У меня на лице что-то выросло?

Смущенный этим вопросом, Цяо Цзинь неловко отвел взгляд.

— И правда что-то выросло?

Заметив, что мужа подмывает подразнить его, Цяо Цзинь протянул руку, взял его ладонь и положил себе на живот, после чего снова поднял взгляд на его профиль и совершенно серьезно произнес:

— Мы же семья.

Лу Сяньчжоу поразмыслил с полминуты:

— Ты уверен, что хочешь пойти со мной?

Цяо Цзинь кивнул.

— Хорошо, поедem вместе.

Лу Сяньчжоу освободил одну руку, чтобы взять Цяо Цзиня за руку. Он чувствовал, как тот понемногу меняется: от прежнего нежелания видеть людей и разговаривать с ними, от стремления держаться подальше от его мира — до нынешнего желания самому участвовать в его жизни.

Этот малыш действительно был таким послушным.

Пока Лу Сяньчжоу размышлял об этом, Цяо Цзинь взмахнул рукой:

— Ой, приехали, приехали, вон тот магазинчик впереди.

А Янь только что вернулся с новой партией товара и как раз увидел припарковавшуюся напротив машину. Цяо Цзинь и какой-то мужчина вышли со стороны пассажирских мест, и А Янь, приподняв брови, с любопытством понаблюдав за ними, пока они направлялись сюда.

— Ты чего пришел? — спросил А Янь, но взгляд его при этом упал на лицо Лу Сяньчжоу.

— Я заглянул поведать, — Цяо Цзинь смущенно потрогал себя за ухо и как-то непривычно представил спутника: — А Янь, это мой...

Лу Сяньчжоу молчал, просто тихо дожидаясь, пока Цяо Цзинь закончит. Тот закусил губу и с большим трудом выдавил:

— Мой муж.

Затем он снова повернулся к Лу Сяньчжоу:

— Это А Янь.

Лу Сяньчжоу протянул руку, сам назвав свое имя, чтобы восполнить пробел за Цяо Цзиня:

— Здравствуйте, Лу Сяньчжоу.

Стоявший за прилавком мужчина протянул руку и представился в ответ:

— Здравствуйте, господин Лу, меня зовут Сунь Яньсюй. Если не возражаете, можете звать меня А Янем, как и Цяо Цзинь.

Лу Сяньчжоу слегка кивнул. А Янь вышел из-за прилавка, прищурился и с улыбкой предложил:

— Не хотите посмотреть, найдется ли у нас в лавке что-нибудь подходящее?

Лу Сяньчжоу тоже улыбнулся:

— А ты неплохо умеешь вести бизнес.

— Обычное дело, — отозвался А Янь.

Лу Сяньчжоу показалось, что тот смотрит на него не слишком дружелюбно, в его взгляде таилась скрытая враждебность. Увлекая Цяо Цзиня вглубь магазина, он понизил голос и спросил, наклонившись к самому его уху:

— Малыш, этот А Янь случайно на тебя виды не имеет?

Цяо Цзинь испуганно вздрогнул:

— Да к-как такое возможно!

— Похоже, я ему не очень-то нравлюсь.

Цяо Цзинь осторожно скосил глаза на А Яня. Тот как раз поднял голову и слегка улыбнулся, но стоило их взглядам встретиться, как Цяо Цзинь тут же опустил голову.

— Ну что ты, — Цяо Цзинь прижался ближе к Лу Сяньчжоу и заговорщически понизил голос: — У А Яня уже есть любимый человек, кажется, он врач.

Лу Сяньчжоу хмыкнул:

— Кто его знает, правда это или нет.

Цяо Цзинь бросил взгляд в сторону А Яня и стремительно чмокнул Лу Сяньчжоу в уголок губ. Его голос прозвучал мягко и тонко, словно паутинка:

— Не думай, что я всем нравлюсь. Я совсем не хорош, это только для тебя я сокровище.

Лу Сяньчжоу властно притянул его к себе, крепко поцеловал и, приподняв бровь, поинтересовался:

— Возражения имеешь?

Цяо Цзинь поспешно покачал головой.

— И все же мне кажется, что этот А Янь меня недолюбливает.

Цяо Цзинь бросил быстрый взгляд назад и тихонько объяснил, выдвинув собственное предположение:

— Наверное, потому что А Янь не знает, как хорошо ты ко мне относишься. Раньше, когда я продал фигурку по дешевке и говорил, что буду тебя содержать, или когда болел, он думал, что это ты меня обижаешь. Я при случае ему всё объясню.

Лу Сяньчжоу ответил:

— Не нужно. Тебе самому достаточно знать, как я о тебе забочусь, а до мнения остальных мне дела нет.

Цяо Цзинь кивнул:

— Угу!

Они немного побродили по лавке А Яня. Вещей здесь и вправду было немало, и все такие занятные — без единого определенного стиля, словно их собирали по всему свету, причем некоторые выглядели очень потрепанными.

На самой верхней полке стояла стеклянная фигурка танцовщицы, и Лу Сяньчжоу показалось, что она похожа на Цяо Цзиня: такая же чистая, прозрачная, без единой примеси.

Он протянул руку и снял ее с полки:

— Красивая?

Цяо Цзинь запротестовал:

— Не покупай, не покупай, пустая трата денег.

Лу Сяньчжоу послушно поставил статуэтку на место и потянулся за другой, но Цяо Цзинь снова заладил про пустую трату. Так они то брали, то ставили обратно разные вещицы, ничего в итоге не выбрав. Зато перед самым уходом Цяо Цзинь прижался к прилавку и попросил:

— А Янь, продай мне вон ту вещь.

А Янь проследил за его взглядом и обернулся:

— Нет.

Цяо Цзинь на мгновение умолк:

— Ну ладно тогда.

Видя, как тот страстно желает получить эту вещь, но сдерживается, А Янь закатил глаза, сгреб статуэтку с полки и сунул ему в руки:

— Двадцать тысяч, ни юанем меньше.

— Ты что, с дуба рухнул? — Лу Сяньчжоу взял вещицу, чтобы взглянуть поближе, и вторая половина фразы застряла у него в горле. Штука действительно оказалась ценной, и двадцати тысяч явно не стоила.

Цяо Цзинь прищурился в улыбке:

— Ага, завтра принесу тебе деньги.

Лу Сяньчжоу ничего не сказал, лишь с улыбкой наблюдал, как Цяо Цзинь бережно заворачивает покупку и прижимает к груди, ужасно боясь разбить. И только выйдя из магазина, поинтересовался:

— Зачем ты это купил?

Цяо Цзинь ответил:

— Дедушка и дядя Цзянь подарили мне такие дорогие подарки, я хочу сделать им ответный презент.

Лу Сяньчжоу слегка приподнял бровь:

— Ого, а ты вырос в моих глазах. Мало того что подрос и стал смелее, так еще и научился делами заниматься.

Цяо Цзинь поджал губы:

— Не смейся надо мной.

— И не думал, хвалю тебя.

Цяо Цзинь задрал голову и глубоко вздохнул. Солнце светило слепяще, но зимняя мрачная пелена рассеялась без следа, оставив лишь ослепительное, пылающее светило.

-

В день суда Цяо Цзинь встал спозаранку, чтобы приготовить Лу Сяньчжоу завтрак.

Лу Сяньчжоу обнял его сзади, положил подбородок ему на плечо и пробормотал сквозь остатки сна:

— Такой бодрый с утра пораньше, готовишь завтрак... Ты меня совсем истощишь, малыш.

У Цяо Цзиня защекотало шею, и он невольно дернулся. Лу Сяньчжоу шлепнул его по затылку:

— Не соблазняй меня.

— Вставай же скорее, желток вытек! — Цяо Цзинь жарил яичницу-глазунью, и от неожиданных маневров Лу Сяньчжоу идеальная круглая масса желтка мгновенно растеклась бесформенной лужицей.

Лу Сяньчжоу проверил:

— Ничего не вытекло.

— Н-не то...

Прижатый к кухонной тумбе так, что бежать было некуда, Цяо Цзинь покраснел и попытался увернуться от его рук, но вышло только хуже — он сам подался навстречу.

— Старший брат...

— М?

— Яйцо...

— Какое яйцо? Вот это?

Лу Сяньчжоу нарочно начал баловаться: прихватив его за талию, он коснулся губами кожи на шее рядом с сонной артерией и хрипло прошептал:

— Вчера вечером еще не наелся, а уже с утра пораньше за готовку взялся.

Дыхание Цяо Цзиня сбилось:

— Перестань.

Лу Сяньчжоу ухватил его за мочку уха и, наклонившись к самому его уху, понизил голос:

— У меня есть секрет, хочешь послушать?

Интуиция подсказывала Цяо Цзиню, что ничего хорошего он не услышит:

— Не хочу.

— Как хочешь.

Лу Сяньчжоу выпрямился, собираясь уходить.

Заметив, что тот вроде бы рассердился, Цяо Цзинь торопливо ухватил его за руку:

— Говори, говори.

— Я обиделся.

Цяо Цзинь привычным движением чуть приподнялся на носочках, чмокнул его в губы и принялся мягко и ласково умиротворять мужа:

— Я хочу послушать, расскажи мне.

Лу Сяньчжоу «милостиво» снова прильнул к его уху и неторопливо выложил всё как есть. Глаза Цяо Цзиня мгновенно округлились, лицо вспыхнуло от макушки до пят, и он с силой оттолкнул мужа:

— Я же говорил, что не буду слушать!

— Малыш, мы же столько времени женаты, всё, что можно и нельзя, уже сделано по сорту раз. Чего ты до сих пор стесняешься?

— Дело тут совсем не в стеснении, просто... это уже чересчур.

Цяо Цзинь вспомнил только что услышанное: муж купил какую-то вещицу и велел надеть ее и

потанцевать для него. Кроличьи ушки и кроличий хвост — как в таком вообще танцевать?

Лу Сяньчжоу снова привлек его к себе, положил подбородок ему на плечо и промурлыкал:

— Цяо Цяо, когда все эти дела закончатся, давай сыграем свадьбу, м?

Цяо Цзинь позволил обнимать себя со спины и тихо кивнул:

— Угу, как скажешь.

— Как скажу... — Лу Сяньчжоу нарочно протянул гласные, протянул руку и слегка пощекотал мужа, поясняя, что там еще полагалась пара маленьких бубенцов, после чего добавил: — И насчет того, что я только что предложил, тоже согласен?

Цяо Цзинь пришел в ужас:

— Нет, на это я не согласен!

Лу Сяньчжоу изобразил лицо человека, чью апелляцию отклонили, и снова шлепнул его по голове:

— Давай быстрее с завтраком, всё уже подгорело.

Глядя на обуглившуюся глазунью в сковороде, Цяо Цзинь с досадой бросил в спину мужу:

— В следующий раз я повешу на кухню замок!

Лу Сяньчжоу мягко улыбнулся, и даже тяжелое предчувствие перед судом немного отступило.

-

Срок Лу Янхуэя был уже не за горами, и, понимая, что Лу Сяньчжоу не станет мстить Лу Пинъяню, он смирился со своей участью.

Даже если не смиришься — исход все равно один и тот же, нет смысла барахтаться перед смертью.

Так или иначе, все акции корпорации Лу он уже передал Лу Пинъяню. Пусть он и понес двойные потери — лишился и влияния, и активов, — но зато потянул за собой на дно Сунь Канхуа.

Оно того стоило.

Цяо Цзинь смотрел на сидевшего на скамье подсудимых сломленного Лу Янхуэя. Тот выглядел совсем не так, как при их первой встрече — словно побитый морозцем баклажан, и лишь временами в его глазах вспыхивал слабый огонек, когда взгляд случайно падал на Лу Сяньчжоу.

Цяо Цзинь не понимал, как можно испытывать к собственному сыну такую лютую ненависть, чтобы даже попытаться повесить на него несмываемое клеймо в виде торговли наркотиками.

Если бы сегодня всё закончилось иначе, и на скамье подсудимых вместо Лу Янхуэя сидел Лу Сяньчжоу, неужели тот действительно смог бы перенести это?

Взгляд Цяо Цзиня сместился в сторону мужа. Лу Сяньчжоу сидел с опущенными ресницами, ничуть не тронутый ожесточенной словесной перепалкой адвокатов и представленными обвинением уликами.

Цяо Цзинь протянул руку, переплел свои пальцы с пальцами Лу Сяньчжоу и тоже опустил глаза.

Лу Сяньчжоу сжался в ответ, и тут Цяо Цзинь заметил, что ладонь мужа вся вспотела, а кончики пальцев едва заметно дрожат. Он вовсе не был так равнодушен к финалу Лу Янхуэя, как казалось.

Ума у Цяо Цзиня не хватало на то, чтобы угадать чужие душевные терзания, поэтому он мог лишь крепче сжать его руку в замок, передавая свою поддержку.

— Старший брат, не бойся, я здесь.

Пальцы Лу Сяньчжоу на мгновение замерли, а затем в ответ крепко сжали его ладонь:

— Угу. Пока Цяо Цяо со мной, мне ничего не страшно.

-

Судебное заседание подошло к концу.

Помощник подвез Лу Пинъяня на коляске. Тот поднял глаза на Лу Сяньчжоу: его лицо выражало смертельную усталость и боль, а белко́х глаз были густо исполосованы красными прожилками, словно он давным-давно не спал.

Цяо Цзинь вежливо поздоровался:

— Старший брат.

Лу Пинъянь кивнул ему, а затем перевел взгляд на Лу Сяньчжоу:

— Есть время?

— Говори прямо.

Лу Пинъянь не стал церемониться и прямо выпалил:

— Шуанлань пытался покончить с собой в изоляторе.

Выражение лица Лу Сяньчжоу не изменилось:

— Старший брат, он твой человек. Умрет он или нет, тебе нет нужды испытывать меня на прочность.

— Я не испытываю тебя, просто передаю его слова, — опустив глаза, произнес Лу Пинъянь. — Он оставил предсмертную записку. Написал, что не знает, хватит ли одной его жизни, чтобы рассчитаться с долгами передо мной и тобой, но если не хватит — что ж, поделаться ничего нельзя, вернет в следующей жизни.

Цяо Цзинь испугался:

— Господин Му он?!

Лу Пинъянь покачал головой:

— Жив, откачали.

Цяо Цзинь с облегчением выдохнул:

— Слава богу.

Лу Сяньчжоу холодно усмехнулся:

— Лу Пинъянь, ты можешь хоть немного походить на человека? Ноги лишился, так и гордость

вместе с ними потерял? Тот прежний заносчивый и гордый старший господин Лу умер? Кроме подозрений и обид, в тебе хоть что-нибудь осталось?

Давно уже язык чесался высказать тебе всё: если отказали ноги, значит, сразу стал инвалидом? Чей ребенок Лу Мо — пойдя и сделай тест! А даже если бы и не делал... Не поверю, будто ты не догадываешься, чья это кровь. И после этого ты смеешь называть себя человеком?

Лу Пинъянь молчал.

— Если этот ребенок тебе не нужен, Лу Мо отныне перейдет ко мне. Цяо Цзинь и то лучше вас обоих о нем позаботится! — Лу Сяньчжоу в упор уставился на Лу Пинъяня и с презрением бросил: — Должен ли он мне что-то или нет, мне плевать. Хватит использовать меня как оправдание и заикливаться на этом. Болен — иди лечись, обращаться ко мне бесполезно, мозги я вам двоим не пересажу.

Видя, что муж заходит всё дальше, Цяо Цзинь торопливо потянул его за рукав:

— Старший брат, не надо так ругать старшего брата.

Лу Сяньчжоу перехватил запястье Цяо Цзиня и посмотрел на Лу Пинъяня сверху вниз:

— Как вы хотите истязать друг друга, мне неинтересно. Но вы оба в долгу перед Лу Мо.

[Заметка переводчика: В этой главе автор цитирует роман «Сон в красном тереме» (версия 1987 года) — сцену, где Цзя Баоюй поддразнивает Линь Дайюй.]

Завтра финал, как [Сегодня также выходит глава в параллельном проекте «Я продлеваю жизнь за счет романов», заглядывайте, буду рад добавлению в избранное~]

Спасибо маленьким ангелам, которые жертвовали мне сокровища или подливали питательную жидкость!

Спасибо маленьким ангелам, пожертвовавшим [мины]: WangSh — 4; Жизе-найкэ-ча — 2; Цзыюэ Гэчжу, Деревенщина-смутьян, Цяо Цзинь, Ян Цинь, Хундоу Будин Найча, Лань, 38832039, Лу Сяньчжоу, Се И бью, Кеси Мошэн #1 — по 1.

Спасибо маленьким ангелам, поливавшим [питательной жидкостью]:

Циньцин Цаомэй Вэй — 20 бутыльков; Фэйдуду де Мао А — 12 бутыльков; Е Сысин, АН, Лу Сяньчжоу — по 10 бутыльков; Икэ Пан Чэнцзы — 3 бутылка; Eleanora — 2 бутылка; Meatball, Цинтан Гуамянь, 29052618, Цзю Сяо, Пяогоу ing151 — по 1 бутылку.

Большое спасибо всем за поддержку, я буду стараться дальше!

Конец основной части.

Лу Пинъянь поднял голову и взглянул на Лу Сяньчжоу.

Тот проигнорировал его взгляд и потащил Цяо Цзиня за собой. Хватка была такой сильной, что запястье Цяо Цзиня покраснело, однако он не пытался вырваться и покорно шел следом. Лишь когда они вышли за массивные двери суда, он тихо позвал:

— Старший брат.

— М? — Лу Сяньчжоу остановился и, опустив взгляд на спутника, только теперь заметил, что из-за него запястье Цяо Цзиня покрылось красными следами, и поспешно разжал пальцы. — Болит?

Цяо Цзинь едва заметно покачал головой. Ему хотелось что-то сказать, но он не знал с чего начать, поэтому просто опустил глаза.

Лу Сяньчжоу коснулся его щеки:

— Напуган?

— Нет.

— Заставил тебя пройти через столько всего... Если бы не я, ты должен был бы счастливо танцевать, заниматься всем, что тебе нравится, а потом у тебя появился бы...

Цяо Цзинь приложил пальцы к его губам, обрывая на полуслове. При всем характере Лу Сяньчжоу ему было не свойственно говорить такое, но сегодня, увидев на суде Лу Янхуэя и Лу Пинъяня, он невольно задумался о сослагательном наклонении.

Если бы в этом мире не было его, Лу Янхуэя и Ян Цинь не затаили бы такую злобу, Цяо Цзинь не заболел бы аутизмом, Лу Пинъянь не лишился бы ног, а Сунь Канхуа не погиб.

Если бы в этом мире не было его, многих бед удалось бы избежать.

Боясь, что муж продолжит развивать эту мысль, Цяо Цзинь не убирал руку и, глядя прямо ему в глаза, серьезно произнес:

— Мне не нужны такие «если». Если в этом мире не будет тебя, заberi меня с собой.

Лу Сяньчжоу на мгновение остолбенел.

Цяо Цзинь протянул руку и слегка разгладил пальцами складку у него на межбровье:

— Вот так разгладим, и уже не больно.

Лу Сяньчжоу улыбнулся:

— Ты меня как ребенка успокаиваешь.

Цяо Цзинь моргнул, выудил из кармана конфету, развернул фантик и сунул ее мужу в рот. Подражая только что услышанному тону, которым тот его отчитывал, он изобразил свирепый вид:

— Зови меня папой!

Лу Сяньчжоу приподнял бровь, прихватил его за талию и тихо, с угрозой в голосе произнес:

— Как ты меня назвала?

Цяо Цзинь не стал отвечать — вместо этого, в точности как Лу Сяньчжоу раньше дразнил его самого, чмокнул мужа в губы и промурлыкал:

— Умница, дай-ка я попробую, какая конфетка на вкус.

Лу Сяньчжоу шутливо зашипел:

— Мелкий засранец, осмелел? Думаешь, раз мы у входа в суд, я с тобой ничего не сделаю?

Цяо Цзинь тут же воспользовался моментом и лизнул его губы:

— Ага.

Лу Сяньчжоу легко щелкнул его по лбу:

— Ростишь зубы? Когда только замуж за меня вышел, при моем виде трясся от страха и двух слов связать не мог, а теперь что, сбегал за тигриным сердцем и леопардовой желчью?

Смущенный этим поддразниванием, Цяо Цзинь покраснел.

— С чего ты тогда так меня боялся? У тебя остались какие-то воспоминания обо мне из детства?

Щеки Цяо Цзиня слегка порозовели, и он тихо признался, что наслушался разговоров Ян Цинь с Фэн Юйшэном о Лу Сяньчжоу, а потом ему приснился тот страшный кошмар, вот он и испугался.

Лу Сяньчжоу помолчал секунд с десяток:

— Меня подставил собственный сон?

Цяо Цзинь прищурился в улыбке:

— Кто просил тебя иметь такую дурную репутацию? Не моя же вина. Будь ты хоть капельку мягче, как профессор Фу, я бы тебя не боялся и намного раньше...

— Раньше что?

Поняв, что сболтнул лишнего, Цяо Цзинь зажал рот в кулак и больше не проронил ни слова.

Во взгляде Лу Сяньчжоу мелькнул глубокий огонек. Он с улыбкой посмотрел на Цяо Цзиня, ухватил его за мочку уха и зловеще провозгласил:

— Ну погоди, я должен лично убедиться, что за кошмар такой тебе приснился.

У Цяо Цзиня возникло нехорошее предчувствие:

— Что ты задумал?

Лу Сяньчжоу ответил:

— Реконструкция сновидения.

-

Дело было невероятно запутанным, а преступления — тяжкими, так что разбирательство затянулось надолго. К счастью, в конце концов справедливость восторжествовала.

Лу Сяньчжоу официально вернул себе все права на владение корпорацией Лу. Лу Пинъянь протянул ему руку:

— Корпорация Лу снова твоя.

— Не «снова твоя», я сам ее забрал.

Лу Пинъянь усмехнулся:

— Как знаешь. В общем, веришь ты или нет, но я изначально не собирался бороться с тобой за компанию — ты же знаешь, мне неинтересно вести бизнес. Впредь просто выделяй мне дивиденды, чтобы я мог жить бездельником.

— Заскучаешь и снова начнешь подозревать всех вокруг?

Услышав издевку в его голосе, Лу Пинъянь беззаботно улыбнулся:

— Больше на твой счет подозрений не будет. Ты прав, я в долгу перед Лу Мо, и теперь постараюсь это исправить.

— Чем ты собираешься исправить? — Лу Сяньчжоу не собирался делать ему никаких скидок. Сидя в кресле главы корпорации Лу, он холодно смотрел на Лу Пинъяня, устроившегося в инвалидном кресле. — Думаешь, сейчас проявлять к нему заботу еще не поздно? Ты хоть капельку знаешь Лу Мо? Знаешь ли ты, что он послушный и кроткий только при тебе, а за спиной у него случается и похулиганить? Ты помнишь лишь то, что в день рождения Лу Мо Му Шуанлань ушел и ты не желаешь вспоминать об этом, но знаешь ли ты, что он сам ходит в кондитерскую, чтобы купить себе крошечный торт ко дню рождения?

Лу Пинъянь замер.

Лу Сяньчжоу холодно усмехнулся:

— Он покупает торт не для того, чтобы поздравить себя с праздником — каждый год он загадывает одно и то же желание: чтобы папа любил его хоть немного сильнее, а еще чтобы тот человек, который его родил, вернулся, и они втроем отпраздновали день рождения.

Лицо Лу Пинъяня исказилось от подступивших к горлу слез:

— Лу Мо... правда так тебе говорил?

Лу Сяньчжоу отвел взгляд:

— Не мне — Цяо Цзиню. Он еще хотел, чтобы Цяо Цзинь родил ему младшую сестренку, говорил, что непременно защитит ее, в обиду не даст, и тогда он больше не останется один.

Лу Пинъянь приоткрыл рот, но в его памяти всплывал лишь образ Лу Мо с рюкзаком за плечами, тихонько и послушно кивающего со словами «папа», аккуратно жующего за столом, всегда приносящего с экзаменов первые места, примерного ребенка, который никогда не капризничал и не устраивал истерик.

— Стоило ему невольно стать причиной автокатастрофы Му Шуанлани, как ты отвесил ему пощечину и заставил стоять на коленях в комнате, размышляя о проступках. Разве то, через что сейчас проходит Лу Мо, хоть в чем-то отличается от моего детства?

Лу Пинъянь молчал. В кабинете стояла такая тишина, что было слышно лишь дыхание двух людей. Лу Сяньчжоу не спешил выгонять его и продолжал смотреть на него из-за рабочего стола.

Долгое время спустя.

Лу Пинъянь тяжело и глубоко выдохнул:

— Сяньчжоу, спасибо.

— Спасибо за то, что отругал тебя?

— Да, спасибо за то, что отругал. — Лу Пинъянь поднял голову и посмотрел на брата. — Впрочем, мне кажется, ты просто выплескивал личную злость, больно уж у тебя вид был довольный.

Немного помолчав, Лу Пинъянь добавил:

— Отец натворил столько дел и виноват перед тобой, теперь он понес заслуженное наказание. Я не прошу тебя прощать его... надеюсь только, что это не отразится на наших с тобой отношениях.

<http://bllate.org/book/21169/2144706>